

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА

от 24 июня

1977 г.

г. Москва

ТЕАТР

ПУТЬ К ХОЛСТОМЕРУ

Актер играет лошадь. В самом этом факте нет ничего особенного. На то он и актер. Кого только не приходится играть, особенно в детских театрах. Слонов и зайчиков, ослов и верблюдов...

Но этот актер — Евгений Лебедев, народный артист СССР. Лошадь зовут Холстомер. А спектакль Ленинградского Большого драматического театра им. Горького «История лошади» по Льву Толстому предназначен отнюдь не для детей. Показанный сейчас в Москве, он имеет, скажем без преувеличения, огромный успех, в том числе у самого искушенного зрителя.

Мы беседуем с Евгением Алексеевичем Лебедевым в уютном холле гостиницы «Минск».

— Вы знаете, — говорит он, — чем дольше я работаю на сцене, тем яснее понимаю, что в театральном искусстве нет окончательных законов. Закон — это какое-то ограничение. А возможности театра поистине безграничны. Не хватает пьес? Он обращается к классической и современной прозе... Ведь никому и в голову не приходило, что «Холсто-

мер» можно поставить на сцене. А вот поставили.

— Кому здесь принадлежит инициатива?

— Московскому режиссеру и литератору Марку Розовскому. Он создал сценическую композицию по рассказу Льва Толстого. Стихи написал другой москвич — поэт Юрий Ряшенцев.

Но, как известно, от идеи до воплощения дистанция немалого размера. М. Розовский начал репетиции на малой, экспериментальной сцене театра. Понадобились месяцы упорных поисков, ожесточенных споров и, наконец, решительное вмешательство, огромный опыт и талант постановщика Георгия Александровича Товстоногова, прежде чем спектакль стал таким, каким вы его увидели.

— В «Истории лошади» нет никакого натурализма. И все же создается впечатление удивительной достоверности. Ваш Холстомер — это действительно лошадь, хотя и не только лошадь... Вы, должно быть, во время работы часто бывали на ипподроме, в конюшнях, наблюдали за повадками лошадей?

— Ничего подобного. Если что и питало мою фанта-

зию, так это воспоминание о детстве, об играх детей. Помните, с какой непосредственностью и верой мы, когда были маленькими, играли в лошадки? Такие игры естественны. Они от природы.

Непосредственность и вера... Этому учил Станиславский. Только теперь я понимаю, как глубоко он прав. А когда-то в студенческие годы насмешливо и пренебрежительно относился к этюдам на изображение животных. Думал, что это никогда не понадобится.

Окончил студию, уехал работать в Тбилиси. Здесь, в Тбилисском ТЮЗе, я вскоре и получил роль пуделя Артемона в «Золотом ключике». Долго ничего не выходило. И стало получаться, лишь когда у пуделя появился «человеческий» характер. Он у меня был таким преданным и деловым администратором... Тогда я понял: чтобы сыграть на сцене собаку или лошадь, вовсе не обязательно становиться на четвереньки! Важно точно соблюсти меру условности. Вот возьмите вятскую народную игрушку — то ли это петух, то ли человек... А самое главное — постичь замысел ав-

тора, как можно глубже понять, что же хотел сказать Лев Толстой своим «Холстомером». Ведь он для чего ушел от человека к лошади? Чтобы отбросить все бытовое, мелочное, обнажить суть. От человека, через лошадь, прийти к человечеству.

Вот когда поймешь все это, внутренне сольешься с Холстомером, тогда можно делать, что угодно, — зритель примет и поверит.

— В спектакле много музыки. Особенно впечатляющ постоянный бессловесный лейтмотив Холстомера. Не знаю, как назвать его — ржание, крик, вопль? Он выражает тончайшие оттенки чувств, человеческих и лошадиных: слова уже не нужны. М. Розовский сказал мне, что вы сами — автор этой музыкальной фразы...

— По происхождению я волжанин. Мне близка старинная русская песня. В ней и боль, и грусть, и тоска, и какой-то просвет, надежда! Вот отсюда и этот мой вопль — от старинного деревенского бабьего плача.

Конечно, многое можно рассказать и о том, как искали музыку, пластику, как ожесточенно спорили с балетмейстером... Но мне что

важно? Чтобы было понятно, для чего все это. А для того, чтобы передать борения духа человека огромной души — Льва Николаевича Толстого. Ведь недаром он работал над «Холстомером», с перерывами, почти тридцать лет! Самые заветные мысли его здесь воплощены. О решительном неприятии частной собственности. О связи поколений. О единении человека с человечеством и с природой. О том, что человек ли, лошадь ли — части единого целого. И нужно почувствовать себя неразрывной частью этого целого...

Мне на днях посчастливилось, — продолжает Евгений Алексеевич, — встретить рассвет на берегу Волги, недалеко от Калинина, — там идут съемки фильма «Первые радости». Ждал восхода солнца. Туманец легкий распластался. Вода неподвижная. А небо... Как недомытый стакан — и чистое, и мазки тумана остались. Птицы начали просыпаться. Одна проснется — посвистом другую разбудит... И вдруг солнце на горизонте будто язык показало. Один язычок высунулся — еще без лучей. И поднялся птичий гомон, заорали они все вместе. Вот оно, начало дня! Приход жизни... И все эти впечатления слились у меня с «Холстомером». Войти в природу, стать частью ее... Живое неисчерпаемо и вечно!..

Б. ЕВСЕЕВ.